

Поезд стоял здесь две минуты. Я вышла на дощатый перрон и тоскливо огляделась: ни души. Оно и понятно — будний день. Я вздохнула и, спустившись по шатким ступеням, быстро пошла по тропинке. В домике путевого обходчика уютно горел свет. В незашторенном окне был виден стол с самоваром и девчонка в красном платье, она громко читала стихотворение: «Люблю грозу в начале мая...» В этот момент поезд содрогнулся и неторопливо пополз дальше. Паровоз и четыре вагона — местные почему-то прозвали его «Тарзан».

Тропинка свернула в лес. Я опять огляделась. Никого. Может, и к лучшему. А ну как моим попутчиком оказался бы незнакомый мужчина? То-то, двигай ногами и радуйся. Я взглянула на часы: 22.45. «Тарзан» пришел на станцию без опоздания. Впрочем, какая станция? Полустанок с невероятно поэтическим названием «49-й километр». Леспромхоз и несколько деревушек по десять-пятнадцать домов, зимой почти пустынные, летом оживающие из-за наплыва дачников. В одной из таких деревушек у Соньки дача. Туда я и направляюсь. Возле железной дороги было еще

светло, но стоило войти в лес, как я оказалась в темноте. Здесь, в лесу, уже хозяйничала ночь. Тропинку потерять я не боялась, но идти одной было все-таки жутковато. Я попробовала петь, голос звучал как-то неестественно, бодрости мне это не прибавило, я замолчала. И подумала о Соньке. Есть люди, которые могут испортить вам день, а есть такие, что портят жизнь. Сонька никогда не мелочилась. Сейчас она скорее всего смотрит телевизор или спит, как лошадь, и думать не думает, что я иду по лесу одна и, между прочим, трушу.

— Когда-нибудь я ее все-таки поколочу, — громко заявила я, и мне сразу стало легче. Хотя колотить Соньку дело зряшное, ее можно пережить, как землетрясение. Или не пережить.

Мы познакомились с ней восемь лет назад в Ялте, где вместе отдыхали. Вернулись в родной город, и вечером того же дня Сонька заявила ко мне. С тех пор моей правильной, размеренной жизни пришел конец. Вот, к примеру, какого черта я иду ночью пешком по лесу? Я иду спасать Соньку. Интересно, от чего? Сегодня днем она позвонила мне на работу. Лида Малышева заглянула в кабинет и сказала:

— Маргарита Петровна, вас к телефону. Срочно.

Я тяжело вздохнула и поплелась на первый этаж, где у нас один на всех телефон. Срочно, значит, Сонька. А я-то надеялась отдохнуть от

нее хоть недельку. Три дня назад она уехала на дачу с намерением жить там все лето. До этого она месяца два болтала о том, что русские аристократы были не дураки, когда с мая по сентябрь жили в деревне, а на зиму возвращались в столицы. Конечно, о том, что Сонька все лето просидит в своей Куделихе, я даже не мечтала, но звонить через три дня все-таки свинство. Может, она утюг забыла выключить, когда уезжала, и я отделаюсь малой кровью?

Я сняла трубку и услышала Сонькин голос:

— Гретка, это ты?

— Нет, не я.

Тут надо кое-что пояснить: в начале нашего знакомства я проболталась Соньке, что родители дома звали меня Гретой, не иначе как у меня с головой неладно было, потому что Соньке это необыкновенно понравилось, и вскоре не только она сама, но и все мои знакомые по-другому меня уже не называли, начисто забыв, что до той поры я была Маргаритой и меня это вполне устраивало. Сначала я злилась, потом привыкла.

Родители мои из поволжских немцев. Именно поэтому Сонька звала меня «белокурой бестией». Бог знает где она услышала этот арийский термин, сама-то она утверждала, что в умной книге вычитала. Но это вранье, конечно, потому что ничего, кроме объявлений в газетах, Сонька не читала. Однако стоило ей разозлиться, и из белокурой бестии я превращалась в недобитую фашистку. К сча-

стью, Сонька злилась редко. В наследство от родителей мне досталась открытка, где юная дева в обрамлении пунцовых сердечек сидела возле ручья, наподобие нашей Аленушки. У девы были белокурые волосы, алый ротик и фарфоровые глазки подозрительной голубизны. Внизу подпись, что-то вроде «Люби меня, как я тебя», жуткая гадость. Сонька, увидев открытку, покатила со смеху и спросила: «Это не ты, случаем, позировала?» Я могла злиться сколько угодно, но она была права: юная дева на открытке здорово на меня смахивала, и это тоже порядком отравляло жизнь. Стоило мне надеть что-нибудь романтическое, Сонька начинала фыркать, да и сама я, убедившись в том, что выгляжу принцессой из сказок Гофмана, вновь облачалась в деловой костюм. А вот Сонька могла носить что угодно, ей всегда все было к лицу. Волосы у нее темные, глаза зеленые, словно у кошки, и улыбка — до ушей.

Не знаю, что заставляет меня терпеть ее столько лет. Сама она объясняла это подсознательным чувством вины. (Сонька часов по десять в день смотрит телевизор и так поднатрела в психологии, что спасу нет.) А дело в том, что ее дед по отцу был евреем и погиб во львовском гетто. Когда моя подружка считала, что это выгодно, она запросто могла прикинуться еврейкой, хотя из всего касающегося этого библейского племени знала только название древней столицы — Иерусалим — да пару бытовых анекдотов про Аврама и Сару.

В общем, если верить ей, выходило, что я искупаю вину своего деда перед Сонькиным. Насколько мне было известно, все мои родственники в то время пребывали гораздо северо-восточнее города Львова, причем и не по своей воле, но мою подружку это заботило мало. Не знаю, как насчет вины, но действовала она на меня, словно удав на кролика, что позволяло ей подолгу жить в моей квартире, оставлять пятна на моей одежде и стаптывать мои туфли.

Теперь должно быть ясно, почему я так обрадовалась очередной Сонькиной фантазии: провести лето в деревне. К несчастью, в деревушке у пенсионера Николая Максимыча имелся телефон, старики вокруг одинокие, рядом летняя дойка, вот телефон лет пять назад и поставили. Не будь я законопослушной гражданкой, давно бы повредила кабель...

Возвращаюсь к ее срочному звонку.

Я тяжело вздохнула, а Сонька спросила как-то вяло:

— Это ты или не ты?

— Ну, я. Как там дела у русской аристократии?

— А мне откуда знать?

— Что ж так?

— А вот так. Меня сейчас занимают другие мысли. Вот, к примеру, для чего мы пришли в этот мир?

— Ты прямо сейчас хочешь это выяснить? — поинтересовалась я. Сонька обиженно засопела.

— Дура ты бесчувственная. У меня депрессия.

— Не знаю такого слова.

— Все ты знаешь.

— Слушай, а кто за звонок платить будет? Ты ж собиралась экономить.

— Ты самый близкий для меня человек. Я нахожусь на грани...

— Отойди от нее в сторонку. — Мне стало стыдно, и я, сменив тон, спросила: — Чего у тебя?

— Славка — подлец...

— А, про Славку я все знаю.

— Нет, не все, — разозлилась Сонька, — приезжай, поддержка нужна.

— Приеду, — вздохнула я, — в пятницу.

— В пятницу твоя помощь может уже не понадобиться.

— Ты не топиться ли собралась?

— А что, получше меня люди руки на себя накладывали. Вот Анна Каренина...

— Она под паровоз бросилась, — уточнила я.

— У меня «Тарзан» под боком.

— Семь километров. Ты ленивая, пока доплетешься, передумаешь.

— Остри себе на здоровье. Конечно, моя жизнь в масштабах человечества мало значит, но нет человека, который был бы, как остров, сам по себе, каждый человек — это часть материка...

Тут до меня дошло, что Сонька цитирует Джона Донна, которого не может знать в силу своей беспросветной дремучести.

— Эй, — насторожилась я. — Это еще откуда?

— Это Хемингуэй.

— Ты читаешь Хемингуэя? — опешила я.

— Да.

— Врешь, — теперь я испугалась, и было чему: Сонька ничего интеллектуальнее мексиканских сериалов на дух не выносила. Приходилось признать, что с ней в самом деле что-то не так. — На какой странице? — все еще не теряя надежды, спросила я.

— На двести тринадцатой... Хочешь, расскажу о чем?

— Нет, — всерьез разволновалась я, — может, тебе не стоит читать, может, ты лучше телевизор посмотришь?

— Не вижу смысла, — вздохнула Сонька.

— Ладно, поищем вместе.

— Приедешь?

— Приеду.

— С «Тарзаном».

— Очумела, что ли? Семь километров пешком.

— Я тебя на велике встречу.

— Иди ты со своим великом знаешь куда! Попрошу кого-нибудь подвезти.

— Картошки захвати.

— Что, у тебя картошка кончилась?

— Она и не начиналась, кто ее сажал?

— У Максимыча купишь, — сказала я и повесила трубку.

День, который начался так паршиво, не сулил ничего хорошего. Если бы голова моя работала исправно, я бы забыла этот разговор

через полчаса. Но я-то знала, что поеду к Соньке, буду слушать ее бесконечное нытье и рассказы про подлеца Славку. К несчастью, слова: дружба, ответственность, верность — для меня не пустой звук. Правда, сейчас дружба казалась мне глупостью, а мой поход через лес — следствием белой горячки. Впереди вырисовывался деревянный мост, это значит, что прошла я только два километра. Да, день не задался. Договорилась с приятелем, что он отвезет меня к Соньке, прождала его больше часа, он позвонил, страшно расстроенный, и сообщил, что у него угнали машину, прямо со стоянки возле дома. Сделав несколько бесполезных звонков, я поняла, что, если хочу попасть к Соньке, придется мне добираться «Тарзаном». И вот теперь бреду в темноте по лесу, стучу зубами от сырого воздуха и страха, а ради чего? Чтобы спасти Соньку? Ее надо от самой себя спасти, но это, к сожалению, невозможно!

Я ускорила шаг, чуть согрелась и почувствовала себя несколько лучше. Все бы ничего, да завтра на работу, впрочем, первое занятие в четыре, успею отдохнуть. Сейчас приду, напьюсь чаю, завалюсь спать.... Из кустов шумно выпорхнула птица. Я вздрогнула, а потом засмеялась. Просто удивительно, как меняются ощущения, лишь только окажешься в темноте. Вот я, к примеру, совсем не трусиха, да и чего мне бояться? Зверья? Так ничего опаснее зайца здесь не водится, лесные разбойники тоже как-то не прижились, а вот иду и

вздрагиваю от каждого шороха. Днем — совсем другое дело: шла бы не торопясь, птиц слушала и радовалась, что вырвалась из города. Тропинка устремилась в гору, и я вместе с ней, вот поваленная береза, значит, осталось мне чуть больше двух километров. И тут до меня дошло, что идти придется мимо кладбища. Я машинально взглянула на часы: полночь. Ну надо же... В рассказы о привидениях я, конечно, не верю, но кому придет охота идти ночью в лесу мимо деревенского кладбища? Конечно, его можно обойти. Только в такую темень заблудиться проще простого, да и крюк приличный... Бегом, и направо не смотреть.

Решившись, я пошла быстрее, кладбище вот-вот должно было показаться за деревьями. И тут... Свет, тусклый, блеклый, какой-то призрачный, слабо пробивался сквозь ветви. В первое мгновение я хотела заорать и броситься по тропинке назад, но что-то меня удержало. Я замерла, вытаращив глаза, и стояла так пару минут, прежде чем до меня дошло: свет этот не имел никакого отношения к мистике — вплотную к кладбищенской ограде, представляющей собой деревянные столбы, соединенные между собой слемами, лопнувшими во многих местах, стояла машина. Свет ее габаритных огней я и увидела. Облегченно вздохнув, я прошла еще пару метров и встревоженно притормозила. За оградой вырисовывались две фигуры и, если я в состоянии что-то понимать, рыли могилу. Тут до меня

дошло, что встреча с привидениями далеко не самая опасная вещь на свете, поэтому тихо сползла на землю, под прикрытие куста бузины. Я могла заметить их слишком поздно — от этой мысли мороз пошел по коже. Что они тут делают? Неужели могилы грабят? Очень некстати я вспомнила «Тома Сойера»: «Неожиданно показавшаяся из-за туч луна осветила лицо индейца Джо...» Ну надо же... Глаза привыкли к темноте, и я неплохо видела обоих мужчин: голова одного то исчезала, то снова показывалась из ямы, второй стоял наверху, метрах в двух от машины, и поглядывал по сторонам. Я поплотнее прижалась к земле, но наблюдать продолжала. И о Соньке подумала: а что, если ей придет фантазия меня встречать? Нет, Сонька спит, как сурок, и обо мне думать не думает. Впервые мысль о ее безответственности меня порадовала.

— Ну, — проронил тип, стоявший наверху, и я от неожиданности вздрогнула. Второй вылез из ямы и сказал:

— Порядок.

Лицо его оказалось в полосе света, и я его, конечно, запомнила, хотя мне этого совершенно не хотелось. Мое единственное желание в этот миг — очутиться как можно дальше отсюда.

Они подошли к машине, открыли багажник и вытащили оттуда что-то большое и тяжелое. Я зажала рот рукой, чтобы не заорать, потому что вдруг поняла — это труп. Выходит, они не грабители могил, а кое-кто похуже.

С трудом они подтащили труп к яме, и тут произошло самое страшное: труп вовсе не был трупом, я отчетливо услышала стон.

— Быстрее давай, — сказал один из мужчин, столкнув ногой тело в яму. Оба взялись за лопаты и стали ими ходко орудовать. Волосы у меня буквально встали дыбом, потому что тот, в могиле, опять застонал.

Работали они быстро, через несколько минут яма была закопана, землю притоптали ногами, и один из них бросил другому:

— Порядок. Поехали.

Они сели в машину, развернулись и направились по песчаной дороге в сторону Зайцева. А я заревела от страха, кинулась к могиле и стала ее раскапывать руками, оглядываясь на дорогу и замирая от ужаса при мысли, что те, на машине, могут вернуться. Мне казалось или я на самом деле слышала стоны, не знаю, но ногти на руках я сломала, а в своей работе продвинулась мало. И я побежала. Наверное, изловчилась побить мировой рекорд, потому что через несколько минут была уже возле Сонькиного дома. Он крайний, мимо него проходит дорога. Окна темные, я влетела в палисадник, вскочила на лавку и забарабанила в окно. Кажется, прошла вечность, прежде чем в доме кто-то заворочался, я опять стукнула по стеклу и заорала:

— Да открой ты, дура!

— Гретка, ты, что ли? — послышался зашпанный Сонькин голос, окно открылось, и

показалась она сама. — С «Тарзана», что ли? А я уже не жду.

— Лопаты есть?

— Лопаты? Зачем?

— Некогда. Где лопаты?

— Во дворе. А ты чего такая, а?

— Шевелись, по дороге все расскажу.

Видно, в моем лице было что-то такое, что Соньку здорово напугало, она перестала задавать вопросы, кинулась во двор и через несколько секунд выскочила ко мне с двумя лопатами.

— Бежим! — рывкнула я, хватая одну из них, и бросилась к кладбищу. Обалдевшая Сонька неслась рядом.

— Куда бежим-то? — прокричала она.

— На кладбище.

— Гретка, ты ведь не спятила? — задыхаясь, проквкала Сонька.

— Иду с «Тарзана», на кладбище двое закапывают третьего, он живой, стонал, быстрее надо.

Я летела, не разбирая дороги. Сонька рядом. В белой сорочке, с развевающимися волосами — она здорово смахивала на привидение. Тут Сонька притормозила и крикнула:

— Дура, выроем его и что, на себе потащим?

— Не знаю, не отставай.

— Так ведь машина у нас, Славка явился.

Тут притормозила и я.

— Возвращайся за ним.

— Он пьян в стельку, пушкой не разбудишь.

— Так чего ж ты мне голову морочишь? — заорала я и бросилась бежать.

— До кладбища и я доеду! — проорала Сонька.

Я кивнула на ходу:

— Давай, только быстро.

Сонька бросила свою лопату и, точно фурия, понеслась в деревню.

Впереди показалась ограда, я лихо перепрыгнула через нее и закружилась, стараясь определить место, где следует копать. В темноте это было не так-то просто. Я пошарила руками, рыхлая земля под ладонью — здесь. Послышался звук подъезжающей машины, что меня очень воодушевило. Машина остановилась, и Сонька жалобно позвала:

— Гретка, ты где?

— Здесь, — ответила я, не прекращая орудовать лопатой.

Сонька подогнала машину к ограде, как раз в то место, где несколько минут назад стояла другая машина. Водитель она была тот еще, хорошо хоть Славка не видит. Сонька выскочила, извлекла лопату, подобранную по дороге, и принялась мне помогать. Дело пошло быстрее. Копали мы с двух сторон, так что получались как бы две ямы. К счастью, могила была не очень глубокой.

— Смотри не задень его, — шепнула я.

— Гретка, если это дурацкая шутка, я тебя убью.

И тут он застонал. Мы замерли на мгновение, а потом кинулись выгребать землю руками.

— Мамочка моя, — шептала Сонька, — это что ж такое на свете делается... Вот он, — вдруг сказала она, — рука вроде...

— Слава богу, — вздохнула я, но радовались мы рано: предстояло его из ямы вытащить. Первая попытка успехом не увенчалась, груз тяжелый, а навыков извлекать из могил несостоявшихся покойников у нас не было. Промучившись понапрасну, мы, тяжело дыша, уставились друг на друга.

— Он не задохнется, — сказала я. — Значит, мы его можем здесь оставить и ехать к Максимычу, вызовем «Скорую» и милицию.

Сонька вытаращила глаза, а потом сказала:

— Нельзя его здесь оставлять, а если эти вернуться?

Мысль эта как-то не приходила мне в голову, она вдруг придала невероятные силы. Сонька, видимо, тоже прониклась:

— Держи его сверху. Тяни. А я буду снизу подталкивать...

С пятого захода мы его вытащили, что меня, признаться, удивило. Он опять застонал, отчетливо, хотя и тихо.

— Господи, что же это он никак не очнется, хоть бы помог, — причитала Сонька, когда мы волокли его к машине. На мужчине было кожаное пальто, мы ухватились за полы и кое-как втянули несчастного на заднее сиденье. Далось это нам очень нелегко. Мы совершенно выдохлись, несколько минут сидели опус-

тошечные, не в силах пошевелиться. Немного придя в себя, Сонька заняла водительское место и повернула ключ. Слабо порычав, мотор заглох.

— Только не это, — взмолилась я. Со второй попытки машина завелась. Кое-как сдав назад и развернувшись, мы поехали в деревню.

— Кто здесь из соседей? — спросила я.

— Никого. Я да Максимыч. Герасимовы были. Вчера уехали.

— Может, сразу в город, а?

— Спятила? Разве я доеду?

Сонька, конечно, права, водитель она никакой.

— Может, в село? — волновалась я.

— Сейчас его дома выгрузим, ты побежишь к Максимычу звонить, а я его осмотрю, может, чем помочь сумею.

— Ага, — усмехнулась я, но ничего лучше предложить не смогла.

Тут мы подъехали к самому крыльцу. Сонька в него бампером ткнулась и чертыхаться начала, но быстро успокоилась. То ли мужчина стал легче, то ли мы малость поднапорели, но вытащить его из машины и занести в дом оказалось не так уж сложно. Вошли в кухню и положили его на пол. Голова его была как-то странно запрокинута, мне это не понравилось, но размышлять об этом времени не было. Я уже стояла у дверей, намереваясь бежать к соседу, когда Сонька вдруг позвала:

— Гретка, он мертвый.

— Что?

— Мертвый, говорю.

— Да не может быть, — охнула я. — Он же стонал, ты же слышала.

— Слышала. Отстонался.

Я села рядом с ней. Пульса нет, и лицо... Да, лицо у него было... в общем, смотреть на него не хотелось.

— Слушай, может, он жив все-таки, много ты в таких делах понимаешь, — ныла я.

Сонька убежала в комнату и вернулась с зеркальцем. Мы подставили его к самым губам мужчины и стали терпеливо ждать. Ничего.

— Говорю тебе, он мертвый, — сказала Сонька, устало откидываясь к стене.

— О господи, чего же теперь делать-то?

— Дверь запереть, вот что.

— Зачем?

— Не знаю. Жутко. И окна зашторь.

Мне вдруг тоже сделалось жутко, я торопливо заперла дверь, зашторила окна и опустилась на пол рядом с Сонькой. Мы устались на покойника. Из одежды на нем, кроме кожаного пальто, ничего не было. Теперь, при свете, мы могли его разглядеть и ужаснулись: кто-то над ним здорово поработал. На пальцы рук и ног смотреть было невозможно, мне стало нехорошо, я зажала рот рукой и бросилась в туалет.

Когда я вернулась оттуда, Сонька все еще сидела на коленях, прижавшись ухом к его груди и щупая, как в американском кино, ар-

терию на шею. Увидев меня, подняла голову и сказала:

— Мертвее не бывает.

Верить в это не хотелось.

— Много ты понимаешь. Он ведь стонал.

— Стонал, — усмехнулась Сонька. — Сначала над ним всяко-разно измывались, потом голову разбили, или наоборот, что, в общем-то, неважно. Потом в землю зарыли, потом, правда, вырыли. Не выдержал человек, помер.

— Может быть... — начала я.

— Да заткнись ты. Это труп.

Я села рядом и заревела. Сонька тоже носом зашмыгала, потом спросила:

— Что делать-то будем?

Я пожала плечами:

— Пойду к Максимычу, в милицию звонить.

— Погодь. Торопиться некуда. Давай-ка покурим.

Мы закурили, поглядывая время от времени на труп, и Сонька предложила:

— Расскажи-ка мне эту историю, вроде как бы милиционеру.

Я рассказала. Сонька слушала внимательно, потом криво усмехнулась и заявила:

— Полное дерьмо.

Я пожала плечами.

— Менты нас в гроб вгонят.

Я покосилась на обезображенное тело и заметила:

— Менты еще полбеды.

Сонька зябко поежилась.

— Чего ж тогда?

— Откуда я знаю?

Сонька стала хмуриться и наливать краской.

— Все ты... вечно тебе больше всех надо. Видишь, люди что-то зарывают, и шла бы себе дальше, уж, наверное, они не рассчитывали на то, что какой-то придурок сразу вырывать начнет.

— Два придурка, — поправила я.

— Я не в счет. Это ты меня с толку сбילה, вот спросонья и дала маху. Сиди теперь с покойником. Оторвут нам башку, как пить дать, и поделом... Ох, тяжело мне...

— Да заткнись ты! — прикрикнула я.

— Сама заткнись. Вляпались... ух, фашистское отродье! — буркнула Сонька.

— Жидовка недобитая... — парировала я.

Мы вздохнули и заскучали.

— Грет, — позвала через минуту Сонька.

— А?

— В милицию нельзя звонить.

— Тупому ясно.

— Что делать?

— Назад везти, — решила я, — где взяли, туда и положим. И забудем.

— Не хочу я на кладбище, — запаниковала Сонька.

— Хорошо, давай у тебя в погребе зароем.

— Свинья ты все-таки, приволокла покойника...

— Да заткнись ты... Проверь у него карманы, может, узнаем, кто он.

— Зачем?

— А я откуда знаю?

— Вот всегда у тебя так, — проворчала Сонька.

Карманы были пусты. Я еще раз взглянула на покойника: цвет волос из-за крови не определишь, лицо разбито, ухо разорвано, отпечатки пальцев отсутствуют, тело в тех местах, где его можно было рассмотреть под синяками и ссадинами, без особых примет. Если таковые и были, то мы их не увидели. Более или менее уверенно можно было утверждать лишь, что это молодой мужчина. Выходило, могила его останется безымянной.

— Ладно, — решила я, — поехали.

— Может, попозже? — заскулила Сонька.

— Чем скорее мы от него избавимся, тем лучше.

— Ну и вляпались, ну и вляпались, — запричитала моя подружка и тут же совершенно другим голосом спросила: — Медальон заметила?

А я-то надеялась, что обойдется. Как же...

— Заметила, — ответила я зло. На шее покойника на толстой витой цепочке висел медальон: в овале две сплетенные змеи. Работа тонкая, вещь оригинальная, и если мои скромные познания со мной шуток не шутят — дорогая.

— Надо снять, — сказала Сонька с легкой грустью.

— Спятила? Убийцы не сняли... Значит, причина была. Вещица заметная.

— Я бедная женщина, и как я, по-твоему, смогу золото в землю зарыть?

— Сможешь.

— Что я, дура какая? Спрячем. В конце концов, его переплавить можно. Золото, оно и в Африке золото, слышь, Гретхен? — не унималась Сонька. — Как-то мы должны компенсировать свои муки.

— У, крохоборка, — разозлилась я. — Что значит гены: за копейку удавишься.

— Твои-то не лучше, у трупов зубы дергали.

— Коронки, — поправила я.

— Коронки что, не зубы? И кто бы говорил о копейках? Эта штука денег стоит, слышишь? Мы ж не будем им на рынке трясти...

— Заткнись! — рывкнула я и замахнулась. Сонька втянула голову в плечи и зажмурилась. Через несколько секунд приоткрыла один глаз и, убедившись, что драться я не собираюсь, расслабилась.

— Ладно, чего ты... — пробормотала она жалобно.

Я махнула рукой:

— Делай что хочешь, только если тебя за этот медальон потом прирежут, не стони.

— Ты мне еще спасибо скажешь, — обрадовалась Сонька, снимая цепочку. — Мы еще...

— Не мы, а ты, — перебила я, — мародерка.

— Ну как хочешь. Я этот медальон внукам в наследство оставляю.

— Каким внукам? У тебя и детей-то нет.

— Может, будут.

Сонька ушла прятать медальон, а я грустно смотрела на покойника.

— Что ж нам с тобой делать-то? — спросила я задумчиво, но он ничего не предложил. — Славку разбудим? — осведомилась я, когда Сонька вернулась.

— С ума сошла? У Славки язык как помело. Нет уж, мы этого парня сюда притащили, придется нам его и отсюда нести.

Вздохнув, мы ухватились за полы пальто и понесли труп к машине.

— Давай в багажник, — сказала Сонька, — ему теперь все равно.

Засунуть труп в багажник оказалось делом нелегким, мы потратили на это минут десять.

— Лопаты где? — спросила я.

— В машине. — Сонька заняла водительское место, я села рядом, и мы покатали на кладбище, не включая фар. Был второй час ночи, в лесу темень жуткая. А в багажнике покойник.

— Гретка, — начала ныть подружка, — может, все-таки в милицию, а?

— Ты вспомни, как он выглядит, хочешь познакомиться с теми, кто его так отделал?

Сонька не хотела. Мы остановились возле ограды и вышли.

— Хорошо хоть яму рыть не надо, — сказала Сонька. Мы достали лопаты, открыли багажник, собираясь вытащить покойника, и тут очень отчетливо поблизости хрустнула ветка. Мы замерли, вглядываясь в темноту. ■

Там, впереди, кто-то был и также ждал, замерев.

— Бежим, — выдохнула Сонька, хлопнув крышкой багажника. Мы бросились в машину. Пока я лопаты засовывала, Сонька завела ее, к счастью с первого раза, через несколько секунд мы уже неслись по дороге.

— «Хвоста» нет? — деловито спросила Сонька.

— Нет, — не очень уверенно ответила я, взглядываясь в темноту.

Машина притормозила у крыльца, когда Сонька спросила трагическим шепотом:

— И что теперь?

Я напрягла мозги. Безрезультатно. Попробовала еще раз, с тем же успехом. Положительно, сегодня я ни на что больше не годилась, вздохнула и сказала:

— Давай-ка спать. Утро вечера мудренее.

Сонька была похожа на выжатый лимон, и возражать сил у нее, как видно, не было.

— А труп? — смиренно спросила она. — Оставим в машине?

— Сдурела? Давай его в чулан.

В третий раз за ночь мы ухватились за полы пальто и поволокли покойника в дом.

— И чего мы так испугались, — ворчала я, задыхаясь от тяжелых трудов, — никого ведь на кладбище не было.

— Может, не было, а может, и было. Как хочешь, только я туда больше не поеду.

Мы положили труп на полу в чулане, возле самой стены, и прикрыли старой скатертью.

— Идем спать, — сказала я, — на ногах не держусь.

Мы торопливо умылись и полезли на печь. Лежали рядом, не шевелясь, и в потолок смотрели. Голова шла кругом, а сна не было.

— Гретка, — вдруг позвала Сонька.

— А?

— Следы остались.

— Что? — не поняла я.

— Следы от машины, прямо к нашему дому.

— О господи, — простонала я, поднимаясь.

— Ты куда?

— Следы заметать.

Мы вышли из дома, обломили с тополя две большие ветки и наперегонки рванули к кладбищу, волоча ветки за собой. Добежали до развилки, развернулись и помчались обратно. Вся эта суета с покойником здорово действовала на нервы. Вот и спасай людей после этого. Я на Соньку покосилась, она неслась рядом и выглядела полной идиоткой. Я, надо полагать, выглядела не лучше. Ветки мы забросили в огород и вернулись в дом. Я едва стояла на ногах. Лишь только голова моя коснулась подушки, я мгновенно уснула.

Разбудил нас Славка. Сунул голову под занавеску и заорал:

— Подъем!

Мы разом вскочили.

— Гретка, ты когда явилась? — спросил он.

— Вчера. С «Тарзаном».

— А-а-а. Опохмелиться бы надо... — И в самом деле, Славка выглядел неважно, впрочем, это его обычное состояние.

— Опохмелись, — сказала Сонька, спускаясь с печки.

— А есть?

— А ты оставил?

Славка тяжело вздохнул, зачерпнул ковшом воды из ведра и забулькал. Потом повернулся к нам:

— Нет в вас понятия, человек страдает...

— Не сдохнешь, — махнула рукой Сонька, тут мы обе сообразили, что в чулане у нас покойник, всполошились и закружили по кухне.

— Я его сейчас выпровожу, — шепнула Сонька, — двигай в огород.

Я вышла, устроилась на скамейке под кустом сирени и стала ждать. Минут через десять донесся Сонькин голос, быстро переходящий в львиный рык, потом слабое Славкино повизгивание. Сонька рявкнула в полную силу, дом содрогнулся, стекла жалобно звякнули. Славка показался на крыльце и как ошпаренный рванул к машине. Вслед за ним появилась Сонька.

— И чтоб духу твоего не было! — прорычала она, потрясая кулаком. Славка исчез за горизонтом. — Порядок, — сказала Сонька, потирая руки. Я покинула куст сирени и подошла к крыльцу. Думать о чулане даже не хотелось.

— Теперь и к ментам не пойдешь, — вздохнув, заметила Сонька. — И так история пол-

ное дерьмо, а то, что сразу не сигнализировали, они и вовсе не поймут.

— Это точно, — согласилась я. — Придется нам его хоронить.

— На кладбище не поеду, — покачала она головой, — хоть убей.

— Куда ж его тогда?

— Давай-ка прогуляемся, посмотрим.

После сорокаминутной прогулки решено было произвести захоронение за амбаром. От домов далеко, место неприметное, амбаром давно не пользовались, через неделю могила крапивой зарастет. Опять же наше копошение здесь не будет в глаза бросаться ни с дороги, ни со стороны деревни, а в случае чего свое присутствие мы могли внятно объяснить: тут лежали старые доски, почему бы не навести порядок и кое-что не распилить на дрова? Мы решили, что все это очень умно, и, вооружившись лопатами, стали трудиться, то есть рыть яму. Дело, как я уже отметила, нелегкое. К обеду смогли освоить в глубину не больше метра. Измучились, оголодали, замаскировали свои труды досками и пошли в дом. Я взглянула на часы:

— Мне ехать нужно, а то на работу опоздаю.

— Чего? — выпучила глаза Сонька. — А я с ним останусь?

Конечно, Сонька была права, и я это прекрасно понимала, а про работу заговорила скорее из вредности.

— Не ори, позвоню, отпрошусь.

Сонька кивнула и стала собирать на стол.

— Хорошо хоть, в деревне ни души, — заметила она тоскливо. Надо сказать, что для Куделихи это дело обычное. В лучшие времена в ней насчитывалось девять домов, теперь семь. Располагалась деревня буквой Г, три дома со стороны дороги, причем Сонькин крайний и слегка на отшибе, а через речку еще четыре. Деревня эта вызывала мое уважение тем, что являлась родовым гнездом Сонькиной бабушки с материнской стороны, женщины, безусловно, почтенной и заслуживающей лучшей внучки. Впрочем, Сонька с этим, конечно, не согласилась бы, я подозреваю, она всерьез верила в то, что является венцом природы. Вот от этой самой бабушки Сонька и получила в наследство древний пятистенок, который торжественно именовала дачей. Из местных жителей сохранились только двое: вдовствующий пенсионер Максимыч, обладатель телефона, он жил за рекой, и древняя бабулька Мария Степановна, прозванная Зайчихой, которая жила через дом от Соньки. Сейчас Зайчиха отсутствовала: была вывезена в Москву на свадьбу к правнуку. Обладатели остальных четырех домов презрительно именовались «дачниками». Регулярно здесь появлялось только семейство Герасимовых, соседей Максимыча. Сонькины соседи лет пять судились из-за бабкиного наследства, что позволяло ему спокойно ветшать. Один из домов принадлежал какому-то музыканту из ■ Москвы, которого в глаза никто не видел, это

давало повод для безграничных Сонькиных фантазий, выдаваемых дрожащим от благоговения голосом. Владельцы еще двух домов умерли прошлой зимой, и дома вроде бы продавались. В общем, опасаться чужих глаз особенно не приходилось.

Предстояло решить вопрос с работой, но и это не проблема, на пару дней отпрошусь, а там праздники, на целых четыре дня. За это время с покойником мы как-нибудь сумеем расстаться.

— Пообедаем, схожу к Максимычу, — сказала я, усаживаясь за стол, — позвоню на работу.

Тут Максимыч неожиданно объявился сам. Надо сказать, погода стояла на редкость теплая для конца апреля, окна были открыты настежь, в одном из них он и возник.

— Здорово, девки. Чай пьете?

— Пьем. Заходи, — кивнула Сонька.

— А покрепче ничего нет?

— Я тебе сколько раз говорила, не замутняй мозги алкоголем.

— Эх! — крикнул Максимыч, поднялся на крыльцо, разулся, снял кепчонку, пригладил волосы и прошел к столу. — Здорово, Маргарита.

В последнее время только он называл меня исконным именем, за что я его невыносимо уважала. Сонька извлекла из шкафа початую поллитровку, три стопки, нарезала колбасы и провозгласила:

— Давайте за сенокос.

Мы выпили и закусили.

— Маргарита, ты когда приехала? Сегодня?

— Нет, вчера, с «Тарзаном».

— Мимо кладбища шла?

— А где ж еще? — насторожилась я.

— Не заметила ль чего, а?

— На кладбище? — попробовала я удивиться.

— Ох, девки, какие дела творятся, аль не слышали?

— А от кого нам слышать-то? — разозлилась Сонька. — В деревне я да ты, пенек старый.

— Грубая ты женщина, Софья Павловна, нет в тебе уважения. А ведь я тебя вот такой помню, на моих глазах росла, еще супруга моя покойная...

— Максимыч, ты чего рассказать-то хотел? — перебила я.

— Про кладбище? Дело такое. — Он собрался с силами и торжественно продолжил: — Вот, девки, до нас дошло, могилы роют.

— Да иди ты! — охнула я.

— Вот те крест. Сегодня ночью иду я, значит, с рыбалки...

— Брось врать, — перебила Сонька. — Комбикорм с дойки воровал.

Максимыч укоризненно покачал головой:

— Ох, Сонька, до чего ж ты баба вреднющая, вот через это тебя и замуж никто не берет...

Тут надо пояснить, что летняя дойка располагалась на равном расстоянии между Куделихой, где мы в настоящий момент обедали, и деревней Зайцево, причем кратчайшая дорога в Зайцево вела мимо кладбища. Максимыч, войдя в преступный сговор со сторожем дойки, крал комбикорм и продавал держателям скотины в Зайцеве, используя в качестве средства транспортировки древний велосипед.

— Доворуешься, черт старый, — злилась Сонька, потому как нам обеим уже ясно стало, кто нас вчера спугнул.

— Что городишь-то? — еще больше наступился Максимыч. — Какой комбикорм? Скотину еще не пригнали.

— Значит, доски свистнул. В прошлом году весь пол в телятнике разобрал, — злорадно ухмыляясь, сообщила Сонька.

— Ты бы, Софья, об этом помалкивала, — проронил Максимыч, деликатно потупясь. — Ладно, Маргарита, она свой человек, а то ведь кто и взаправду подумает...

— Да надоели вы с вашей дойкой, — перебила я, — про кладбище рассказывай.

— Так не дает ведь, ух, аспидка!

— Рассказывай, — отмахнулась Сонька и еще по стопке налила. Мы выпили, закусили колбаской и устали на Максимыча.

— Вот, значит, как, — продолжил он, — иду я, велосипедик везу, потому как Сонька права, прихватил я пару досок и отвез в Зайцево, иду, бутылочка у меня, дай, думаю, выпью, ну, для храбрости.

— Покойников боишься, — съязвила Сонька.

— Ну, не боюсь, а все ж таки... В общем, присел я у тропинки, кладбище от меня по левую руку, значит, глядь, сворачивает машина, напрямки к кладбищу, и по-хитрому: огни не горят, и тихо так... остановилась, а я себе думаю: какая такая нужда у людей? Прилег под кустом, жду, что дальше будет. Выходят двое. Здоровенные мужики. Взяли лопаты, через ограду перелезли и давай копать. Тут я понял, эти, как их называют... грабители, одним словом, ну, я не удержался и сказал им пару ласковых. Они быстренько в машину — и уехали.

— Может, это тебе приснилось? — спросила я, заметив некоторое несоответствие рассказа с действительностью, а Сонька головой покачала:

— Чокнулся, пенек старый, а если б эти здоровые мужики да тебе лопатой по голове?

— Я уж и сам потом струхнул...

— А чью могилу раскопали? — спросила я. — Богатый кто похоронен был?

Надо сказать, что кладбище здесь древнее, лично мною был обнаружен надгробный камень, датированный 1778 годом.

— Так ничью, — растерялся Максимыч.

— Как — ничью?

— Вот так. Рыли прямо у ограды. На пустом месте то есть.

— Чего-то ты совсем заврался, — нахмурилась Сонька. — На пустом месте кто ж грабит?

— А вот и нет, — обиделся Максимыч, — я ночью-то разглядывать не стал, как эти укати-

ли, велосипед прихватил и домой, а утречком встал и скоренько сбегал — любопытство одолело.

— Ну и что?

— Ничего, вырыта яма. Видно, спугнул я их.

— Да, история, — вздохнула я.

— Вот так, девки, думаю в село идти, сообщить куда следует.

— А чего ж не позвонил?

— Такое дело, думаю, лично надо...

Мы с тоской переглянулись и уставились на Максимыча.

— Ты вот что, — не выдержала Сонька, — ты б помалкивал обо всем этом. Совершенно не твое это дело. Времена нынче такие, свидетели долго не живут. Ну, сообщишь, куда следует, яму свою дурацкую покажешь. Они рукой махнут и уедут, а ты останешься один во всей деревне. Так что помалкивай, и нам зря рассказал, теперь вот ночь не спать.

— Думаешь, Софья, тут опасное что-то?

— Сам посуди...

— Да, дела! — задумался Максимыч.

Чтобы укрепить его здоровую задумчивость, Сонька в подпол спустилась и достала бутылку клюквенной. Мы выпили и закусили. Надо сказать, что Максимыч вдовствовал второй год, и вольная жизнь заметно подорвала его силы. Вот и сейчас, нанеся двойной удар по собственной печени, он заговорил невнятно, а движения, даже незначительные, давались ему с трудом. Мы подхватили его с двух сторон и привычно потащили к родному

